

Глава 1 Пятница, тринадцатое

— У человека прямоходящего сложно устроенный головной мозг... — Рябинкина стояла у цветного плаката и размахивала рукой, как королева английская.

— Хорошо, Маша, а какие ещё признаки ты знаешь? — Гуля довольно поправила большие несуразные очки на носу и протянула Рябинкиной указку.

— Спасибо, Гульнар Нурмухамедовна. Подковообразная челюсть, позвоночник с четырьмя изгибами... — Рябинкина посмотрела на биологичку и грациозно потянулась указкой вверх. Спиралька волос, выбившаяся из кучерявого хвоста, колыхнулась и застыла у первого шейного изгиба. Остальные три тоже очень отчётливо проступили сквозь розовую водолазку.

Рябинкина рассказывала, чем человек прямоходящий отличается от наземных млекопитающих. Хорошо, в принципе, рассказывала, увлекательно, я бы даже сказал наглядно.

— Широкий таз... — продолжила она под всеобщее хихиканье.

— Да уж, таз в самый раз, — прогоготал Селиванов.

Рябинкина покраснела до кончиков ушей и срезала его жёстким взглядом. Вот бы мне так... Рябинкина — кремень, хоть и отличница, но авторитетная. Её в классе недолюбливают и даже побаиваются. Я это сразу заметил. Уж очень умная. И язык у неё острый, умеет интеллигентно приложить: кинет пару фраз без лишних эмоций — бац, и в нокаут.

— Плоская грудная клетка, — железным голосом отчеканила Рябинкина, не отрывая взгляд от Селиванова.

Тот притих, как пришпиленная к картонке бабочка. Представляю, чего ему это стоило. Грудная клетка у Рябинкиной совсем не плоская, я бы даже сказал — выдающаяся.

— Гибкая развитая кисть, сводчатая стопа, большой палец нижней конечности приближен к остальным... — Рябинкина, как факир, взмахнула указкой.

Стопу и пальцы сквозь навороченные кроссовки видно не было. А вот кисть у Рябинкиной действительно очень гибкая и тонкая.

Звонок заставил меня вздрогнуть, отчего моя подковообразная, слегка отвисшая нижняя челюсть громко лязгнула.

Я резко оглянулся по сторонам. Вроде никто не увидел. Восьмой «А» с грохотом подскочил. Все побросали вещи в сумки и вылетели в коридор. Рябинкина вышла последней.

Я пошёл за ней. Не нарочно, конечно... Просто пошёл. Думал, она домой, а Машка, сверкая белоснежными кроссовками, спорхнула вниз по лестнице и зарулила в библиотеку. Ну и я зарулил, случайно, давно собирался...

Рябинкина оглянулась и, отутюжив меня взглядом, подошла к библиотечарше. Я сделал вид, что в упор никого не вижу, ломанулся влево и, как последний лопух, наткнулся на парту. Пришлось бросить рюкзак на стул и пройти к стеллажу с раскладкой «Внеклассное чтение».

— Здравствуйте, Лидия Сергеевна. Мне бы автобиографические повести Горького, они не на руках? — обратилась Рябинкина к сидящей у окна библиотечарше.

— Здравствуй, Маша. Сейчас глянем...

Стул проскрежетал по полу. Послышался стук каблуков.

Я обернулся. И зря... Машка стояла на месте и разглядывала меня, судя по довольному выражению её лица, не испытывая ни малейших угрызений совести. Я смахнул нависшую над переносицей непослушную прядь, отвёл взгляд и снова уткнулся в стеллаж с книгами.

— Возьми «Айвенго»... — вдруг посоветовала Рябинкина.

Я промолчал.

— Или «Чайку по имени Джонатан Ливингстон»... — не отставала она.

— Уже читал... обе... — выдавил я и понял, что краснею.

Рябинкина затихла. Но её взгляд я ощущал каждым позвонком. Главное, не оборачиваться...

Я заметил на полке толстенный том в чёрной обложке. «Дон Кихот» Сервантеса. Вытянул книгу. Полное издание, с акварелями Сальвадора Тусселя по гравюрам Гюстава Доре... Отцу бы понравилось.

Дома, в прежней томской квартире, было много книг. В основном папиных, научных. Физика ускорения ядерных частиц, поверхностная фотометрия галактик и прочая мозголомная литература, которую мог осилить исключительно доктор наук. Правда, однажды и я заинтересовался теорией струн, да и то потому, что для скрипача струны — это святое... Но и художественных книг тоже хватало. Самым потрёпанным был двухтомник Сервантеса, отец перечитывал «Дон Кихота» сотни раз. Я тоже несколько раз брался, но мне не зашло... А вот «Айвенго» и «Джонатан» были моими любимыми. Конечно, если не брать в расчёт «Историю государства Российского» Карамзина и несколько десятков исторических энциклопедий. В последние несколько лет до того, как исчезнуть из моей жизни, отец увлёкся историей, и я вместе с ним...

— Нашла... — раздался голос библиотечарши. — Молодой человек, а вам что-нибудь посмотреть?

Я снова обернулся, женщина выглянула из-за стеллажа.

— Нет, спасибо. Я уже взял... — пробубнил я и присел за парту. Спohватившись, что забыл поздороваться, кивнул: — Здравсьте.

— Здравствуй, что-то я тебя раньше не видела, — Лидия Сергеевна улыбнулась и тоже уселась за стол.

— Он новенький, из моего класса, в Нижний недавно переехал, — встряла в разговор Рябинкина.

— А зовут тебя как?

— Серёжа Шишкин! — представилась вместо меня Машка.

Тоже мне суфлёр. Не то чтобы мне очень хотелось высказаться, но зацепило крепко. Мало того что влезла, так ещё это уменьшительно-ласкательное — Серёжа! Хотя... если вдуматься... фамилию запомнила и имя...

Я уткнулся в книгу и сделал вид, что по уши поглощён чтением. Машка наконец оставила меня в покое и принялась за библиотекаршу.

Из их разговора я узнал, что Рябинкина собирает материал для проекта «Старый Нижний». Я загуглил и нашёл вот что. К юбилею Нижнего Новгорода объявлен конкурс. Для участия в проекте надо зарегистрироваться на сайте организаторов, отыскать любимые места в городе, составить свой собственный экскурсионный маршрут и нарисовать оригинальную карту, провести по маршруту экскурсию для друзей

и родных, а потом выложить отзывы вместе с фотоотчётом на сайте.

Эпично, но чего ради все эти старания, организаторы не написали. Зато пообещали разместить имя победителя на странице сайта. Интересно, и чего такого Машка собирается найти в этом сером мегаполисе?

Рябинкина положила выданную книгу в сумку и уже собралась уходить. Я поставил «Дон Кихота» на место и выскок из библиотеки первым, чтобы снова не тащиться за ней по пятам. Вышел за ворота школы, повернул налево и решил немного прогуляться. Машка, по ходу, тоже... По дороге открыл «Гугл-карты» и решил выучить все названия. Хочешь не хочешь, а жить в этом городе всё-таки придётся... Я переулочек Покровку и по Университетскому переулку прошёл к старому разбитому мосту над Почаинским оврагом.

Машка не отставала, тащилась за мной по пятам. Я засёк её боковым зрением.

Мы прошли мимо красивого памятника с голубями и каким-то священником. «Сергий Радонежский», — прочёл я на табличке и повернул на улицу под названием Ильинская. У церкви Вознесения Господня притормозил завязать шнурки.

Рябинкина перешла на другую сторону дороги и боковым шагом направилась к переулку Крутому. Я пошёл за ней. Не специально. Просто ещё ни разу не ходил этой дорогой...

Переулок и вправду оказался крутым. Как только я заметил двухэтажный каменный теремок с башенками печных

труб, прикрытых зелёными куполами с резными флюгерами, сразу завис. Высокая бочкообразная кровля, узорчатые решетчатые оконца, парадный вход с деревянной крышей, разноцветные изразцы на фасаде. Старорусский стиль. Понял сразу, не зря столько лет учился в архитектурно-строительном лицее.

«Палаты А. Ф. Олисова, 1676 год», — доложил «Гугл». Рядом на фоне уродливой советской многоэтажки выделялась не менее древняя, чем палаты, Успенская церковь.

Машка давным-давно исчезла из виду. Но мне было не до неё. Я решил устроить собственный челлендж. В конкурсе участвовать не стану, а вот путеводитель свой сделаю, по-любому. А потом проведу по маршруту маму с бабушкой и Дашкой. В точности как отец водил нас по своим любимым маршрутам в Томске.

Я внёс найденные объекты в телефонные заметки, сделал несколько фото и отправился к пешеходному мосту...

* * *

Пару недель я рылся в интернете, бродил по улицам города с путеводителями, консультировался с Валентиной Петровной, нашей историчкой (она, кстати, ничего так... увлечённая) и даже занялся геокешингом.

Бомбическая штука этот геокешинг — с помощью специального приложения или сайта разыскиваешь тайники

в интересных местах, а заодно изучаешь историю города и туристические объекты.

Маршрут «Прогулка по улице Рождественской» в поисках тайника я прошёл быстро.

Вначале отыскал подсказку с координатами, спрятанную в ливнёвке у храма, построенного в честь собора Пресвятой Богородицы, в народе называемого Строгановской церковью. Церковь оказалась очень старой, заложенной ещё во времена Петра I. Витые колонны, пышная лепнина на розовых стенах, разноцветные чешуйчатые купола... Ярко, конечно. Но как по мне, немного ту мач.

А вот куранты на колокольне ничего так, занятные. Я снял их на телефон и увеличил изображение. На каменных плитах вокруг циферблата обнаружил семнадцать славянских букв, разделённых звёздочками. Погуглил... Оказалось, раньше на колокольне были установлены другие, более древние часы. От них и остались эти буквы. Они заменяли привычные нам цифры. Но почему букв семнадцать?

Перерыв весь интернет, я выяснил, что древнерусское времяисчисление отличалось от нашего. Начало дневных часов тогда отмеряли от восхода солнца, а ночь — от захода. В разное время года количество дневных и ночных часов в сутках менялось. А самый длинный день или ночь длились по семнадцать часов, потому и циферблат имел семнадцать делений! Так что на закате часы просто останавливали,

а на рассвете снова запускали. Для этого даже специальный человек имелся — «часоводец». Однажды сложный часовой механизм сломался, а починить его смог только самоучка Иван Кулибин. Самое удивительное, что ему тогда, как и мне, всего пятнадцать было!

Впечатлённый часовой историей, я прогулялся до площади Маркина и сфотал фонарный столб с краном, который оказался не просто столбом, а самым настоящим памятником водоразборной колонке. Он был установлен в честь первого в России напорного водопровода, который появился именно в Нижнем Новгороде. На памятнике я нашёл ещё один указатель.

Следующими точками моей культурной программы стали скульптуры: художник без кисточки и мальчик-булочник с лотком в руках и в высокой фуражке с коротким козырьком, картузе, кажется... Ничего так, миленькие. Особенно мальчик.

Наконец дошёл до памятника Соляной афере. Залез в башмаки с надписями «честь» и «совесть», потёр мешок с солью, прочитал табличку, погуглил и узнал, что иначе эту скульптурную композицию называют «Памятник купеческой жадности». Установлен он у здания бывшей Соляной конторы, чиновники которой в девятнадцатом веке тайно распродали известным нижегородским купцам полтора миллиона пудов соли за бесценок, списав пропажу на неожиданный

весенний паводок. Но, как назло, именно в 1864 году паводка не случилось, и правда вскрылась. Чиновников наказали, а купцы отделались несколькими днями ареста и возмещением нанесённого ущерба. Тем не менее, по легенде, купец Блинов подарил сыну-казнокраду пару чугунных галош и напутствовал: «Носи один раз в год и помни о нашей чести».

Хм, типичный Нижний! Нашли что увековечить...

В галоше с надписью «совесть» я нашёл все необходимые циферки для поиска крошечного тайника, прозванного знатоками геокешинга микриком, и на раз отыскал по координатам закладку.

Раздобыв спрятанные в пластиковую коробочку сокровища (блокнот с изображением ретроавтомобиля ГАЗ и обшарпанный брелок-фонарик), я добрёл до начала Рождественской вслед за раритетным трамвайчиком. Под стенами кремля разглядел ночлежку на Миллионной, описанную Горьким в пьесе «На дне», прочёл знаменитую надпись «Водки не пить. Песен не петь. Вести себя тихо» и вернулся домой.

На этом активные городские маршруты геокешинга закончились. Остальные, интересные мне, были сплошь загородные — без автомобиля туда не сунешься. В нашей семье за рулём только бабушка, но её на такое точно не сподвигнуть. Зато, используя рейтинг старых городских объектов и порывшись в библиотеке, я наконец набросал на листе бумаги первый драфт моей карты. Старался включать в неё только

те места, которые цепляли лично меня. Определил стиль — историческое путешествие: каждый объект — портал в другой мир со своей историей или легендой. Осталось проработать детали и определиться с графикой.

Когда я бродил по городу, смотрел фотки в Музее фотографии, гуглил легенды Нижнего, у меня возникало странное чувство, будто город хочет мне что-то сказать... Я стал замечать на Покровке необычных, словно выпавших из прошлого людей. Худощавого мужчину с узкой бородкой в старомодном полосатом костюме-тройке, звонко цокающего подковами высоких длинноносых туфель и опасливо озирающегося по сторонам. Дородную тётушку в плаще с пелериной и тирольской шляпке с пером, выпорхнувшую из магазина тканей с забавным названием «Пуговка». Сердитого старичка в фетровой шляпе с заломом и загнутыми вверх полями за столиком у кофейни «Чёрточка». Он не спускал с меня глаз и нетерпеливо постукивал витой деревянной тростью.

Попробовал рассказать об этом маме... Прислушал лекцию о последствиях психологической травмы и чуть было не загремел на сеанс к психотерапевту. В итоге отделался баночкой гомеопатических шариков, как выразилась бабушка, гармонизирующих «незрелый подростковый организм». С тех пор своим говорил, что хожу в музыкалку. Мама решила, что мне пора снова заняться скрипкой. Бабушка подсуетилась и даже записала меня в одну из лучших школ города. Только меня спросить забыли, нужна ли мне эта музыка...

* * *

— Шишкин, может, ты нам расскажешь, почему императора Александра прозвали Благословенным? — прервала мои размышления историчка.

Я вскочил и на автомате отчеканил всё, что знал про Александра Первого. А знал я про него немало. Кто в Томске не слышал легенду про святого Феодора Кузьмича, под именем которого скрывался умерший для всех император? Я тоже слышал и даже готовил исследование по этой теме в прошлом году.

Только вот так трепаться, по ходу, не стоило. Селиванов вдруг громко замычал и прокомментировал:

— А Шишкин-то у нас, оказывается, разговаривать умеет...

Класс одобрительно хмыкнул. А тут ещё Валентина Петровна со своими похвалами встряла. Хорошо, звонок прозвенел...

Не торопясь, я закинул учебник в рюкзак, достал из-под парты чехол со скрипкой и глянул на часы. Тринадцать тридцать один. До начала занятий в музыкалке ещё полчаса. Как раз успею в столовую номер один на Покровке заскочить, закинуть что-нибудь в мой затосковавший желудок. Рванул вниз по лестнице... А может, снова в музыкалку не ходить? Всё равно пропустил шесть занятий, какой смысл начинать? Прийти вечером домой и сказать матери всё как есть.

Ладно, поем, а потом подумаю об этом, у меня на подумать целых двадцать девять минут.

На улице опять серо и пасмурно. Осень в Нижнем, как и лето, не отличается теплом. Второй месяц я здесь, и каждый день дождь. Что за город такой?

Противные холодные капли стекали за шиворот. Я подтянул воротник ветровки повыше. Ускорился. Выскочил за ворота. Вдохнул поглубже и нырнул в поток ледяного ветра, свернув налево по переулку Холодному. Стопудово это самое промозглое место в городе: Холодный пересекается со Студёной — нарочно не придумаешь. Вечные сквозняки и сырость! Пару веков назад сюда зимой свозили снег на хранение с городских улиц, и снежные кучи лежали здесь до апреля. Неудивительно...

Чтобы спрятаться от ветра, я прижался к розовой оштукатуренной стене.

Стоп! У меня же в четыре краеведческая викторина в школе! Если пойду в музыкалку, точно опоздаю. Хотя, если бегом, можно и успеть... Угораздило же мать сегодня утром задержаться до моего выхода из дома — пришлось скрипку брать, чтобы не вызывать подозрений. Теперь зря с ней полдня таскаться. И викторина эта... Зачем я только согласился? Валентина Петровна, тоже мне, Шерлок Холмс в юбке: «Шишкин, я вижу в тебе задатки великого краеведа, и хоть ты недавно к нам переехал, подозреваю, что о Нижнем уже знаешь побольше одноклассников». Вот и консультируйся

потом с учителями! Пришлось всю неделю усиленно штудировать историю города в краеведческом отделе областной библиотеки. Хотя... Не зря, наверное... При составлении карты пригодится... Заодно узнал историю Нижегородской ярмарки и обнаружил крутые фотки Всероссийской промышленной выставки 1896 года. Класс! Вот бы увидеть всё это своими глазами!

Шишкин корень, забыл маму предупредить, что не смогу Дашку забрать из садика. Где телефон-то? В рюкзаке нет, в куртке нет, в карманах штанов пусто... В школе оставил или дома? Что за день сегодня такой? Пятница, тринадцатое...

Прямо передо мной, словно соляной столб, вырос Крош, то бишь Крашенинников из десятого «Б». Два года разница, а я против него как лилипут против Кинг-Конга. Видел пару дней назад, как он Селиванова на перемене прессовал...

— Привет, кучерявый! Дык ты у нас чё, типа скрипач? — перемальвая желваками тугую жвачку, Крошдохнул мне в лицо приторным дынным ароматом.

Из углубления в стене выплыли ещё двое.

Я молчал. В голове, как волчок, вертелась одна короткая мысль: «Бежать!» В ушах гулко бухало, ноги налились свинцом и прилипли к асфальту.

— А ну, скрипач, сыграй! — Крош придвинулся вплотную.

Я потянул на себя чёрный футляр и, посмотрев на Кроша снизу вверх, оценил размер его бицепсов, трицепсов и всех

остальных «цепсов». «Крош — потому что крошит», — подумалось вдруг.

Словно в замедленной съёмке, мои руки пихнули Кроша футляром прямо в живот. Верзила сложился пополам, как перочинный ножик. Дальше включился таймлапс, и я рванул с места. Метров через сто арка, Покровка, а там и музыкалка через дорогу. Если выложиться — успею.

— Ну всё, скрипач, тебе хана! — сиреной взревел Крош за моей спиной.

Я оглянулся — все трое неслись за мной. Расстояние между нами сокращалось.

Поднажал, толкнулся сильнее — перескочить лужу... В стороны веером разлетелись грязные брызги.

Вот она, арка. Ещё метров десять!..

Рюкзак резво подпрыгивал на спине. Пятки остервенело колотили по асфальту. Я громко выдохнул. Снова обернулся и... со всего маху влетел в какую-то коляску. Ноги резко затормозили, тело описало в воздухе дугу, рюкзак зацепился за что-то и отлетел в сторону, локоть проехался по асфальту... Позади колёсами вверх валялась цветастая сумка-тележка, от неё в разные стороны, как жуки-пожарники, разбежались красные яблоки.

Главное — не останавливаться!

Я вскочил и наткнулся на сердитое морщинистое лицо в старомодных очках, с копной взбитых, словно безе, волос.

— Носятся тут как оглашенные!.. — бабуся с размаху больно шлёпнула меня по спине тяжёлым ридикюлем.

— Простите-те-те-те... — эхом прокатился под аркой мой голос.

Нога налетела на спелое яблоко и, как спринтер на финише, вырвалась вперёд. Мои пятьдесят килограммов преодолели силу земного притяжения. Перед глазами мелькнули бело-жёлтый свод арки, бронзовые потолочные розетки. Спина гулко треснулась об асфальт, и стало совсем темно...

